

Н. В. Карева, Н. А. Кузнецова

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

**ГЛАВНЫЕ И СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В
«РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» М. В. ЛОМОНОСОВА:
принципы разделения, источники классификации, терми-
нология русского текста (1757) и немецкого перевода (1764)**

Статья посвящена разделению частей речи на *главные* и *вспомогательные* или *служебные* в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1757). Ломоносовская классификация рассматривается на фоне предшествующей грамматической традиции — античной и европейской Нового времени. Авторы приходят к выводу, что Ломоносов опирался на унаследованные от предшественников классификационные принципы, однако сформулированные им определения главных и служебных частей речи самостоятельны. Исследуется история терминов, использованных в немецком переводе «Российской грамматики» (1764): лат. *partes orationis principales* vs. *auxiliares* и нем. *Haupt-* vs. *Hilfs-Redetheile*. Наименование *partes orationis auxiliares*, по мнению авторов, является новацией Ломоносова. Поскольку антонимические отношения между прилагательными *principalis* — *auxiliaris* не были характерны для классической латыни, формулируется предположение, что на выбор латинских и немецких соответствий для обозначения частей речи повлияла терминологическая пара, противопоставляющая главный и вспомогательный глаголы: лат. *verbum principale* vs. *auxiliare* и нем. *Haupt-* vs. *Hilfswort*. В корпусе сочинений Ломоносова русские термины *главные* и *вспомогательные* (*служебные*) *части речи* фиксируются до начала работы над немецким переводом «Российской грамматики». Тем не менее, авторы предполагают, что Ломоносов в случае этой пары не искал иноязычные эквиваленты для немецкой версии своей книги, а изначально, выбирая русские наименования, отталкивался от латинских или немецких терминов.

Ключевые слова: Ломоносов, «Российская грамматика», грамматическая терминология, главные части речи, служебные части речи, вспомогательный глагол.

N. V. Kareva, N. A. Kuznetsova
(Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg)

Principal and Auxiliary Parts of Speech in M.V. Lomonosov's «Russian Grammar»

The article is devoted to the division of parts of speech into *principal* and *auxiliary* in the *Russian grammar* by M.V. Lomonosov (1757). The Lomonosov classification is considered in its relation to the preexisting grammatical traditions of ancient and Modern ages Europe. The authors conclude that having relied on classification principles inherited from his predecessors, Lomonosov formulated independent definitions of the *principal* and *auxiliary parts of speech*. Close attention is paid to the terms used in the German version of *Russian grammar* (1764): *partes orationis principales* vs. *auxiliares* and *Haupt-* vs. *Hülfs-Redetheile*. The term *partes orationis auxiliares* is stated to be Lomonosov's innovation. Since the antonymic relations between the adjectives *principalis* — *auxiliaris* were not typical for classical Latin, it is suggested that the choice was influenced by the terminological pair opposing the main and auxiliary verbs: *verbum principale* vs. *auxiliare* and *Haupt-* vs. *Hilfswort*. The Russian terms for principal and auxiliary parts of speech are attested in the corpus of Lomonosov's works since the late 1740ies. But we conjecture that Lomonosov did not translate the chosen Russian terms in the German version of *Russian grammar*, but had initially relied on Latin or German for the design of the Russian terms.

Keywords: Lomonosov, «Russian grammar», grammatical terms, *principal* and *auxiliary parts of speech*.

В первом наставлении «Российской грамматики» «О человеческом слове вообще» М. В. Ломоносов разделяет *части слова*¹ на *главные* и *служебные*: «Из сего всего явствует, что имя и глагол суть части человеческого слова, необходимо нужные в изображении самых наших главных понятий; местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междуметие в сношении и в сокращении оных служат. Итак, по справедливости первые должно именовать *главными*, другие *служебными частями слова*» (Lomonosov 1952: 408). В следующем параграфе появляется еще один, синонимичный термин для последнего

¹ В 1750-е гг. уже был в употреблении термин *части речи* (Терлов 1752: 27; подробнее см. Klubkov 2011: 103), однако Ломоносов предпочел наименование церковнославянской традиции.

понятия — *вспомогательные части слова*²: «... две главные и шесть *вспомогательных* или *служебных*, должны быть по своей необходимости во всяком языке» (Lomonosov 1952: 408). В переводе «Российской грамматики» на немецкий *главные части слова* были названы *Haupt-Redetheile* или *partes orationis principales*. *Служебные* же или *вспомогательные* — *Hilfs-Redetheile* или *partes orationis auxiliares* (Lomonosow 1764: 24). Настоящая заметка посвящена рассмотрению предшествовавшей Ломоносову и предположительно повлиявшей на него традиции разделения частей речи, а также истории приведенных выше латинских и немецких терминов и составляющих их элементов.

1. Из процитированных выше определений видно, что в основу разделения частей речи на *главные* и *служебные* или *вспомогательные* Ломоносов положил их роль в языке. В §§ 40–44 «Российской грамматики» он ввел восемь частей речи и кратко охарактеризовал каждую из них. Сначала были представлены *главные части речи*, обозначающие «вещи» и «деяния» (§ 40). Затем — предлоги и союзы, указывающие на «соответствие» главных частей речи между собой (§ 41). После — местоимения, наречия и междометия, необходимые для «краткого сообщения» понятий (§ 42); к этой группе отнесены также причастия (§ 44).

В § 45 Ломоносов резюмировал сказанное выше: *главные части речи* необходимы «в изображении самых наших главных понятий», а *служебные* служат «в сношении и в сокращении оных». *Служебные* или *вспомогательные части речи* включали в себя, таким образом, две подгруппы: 1) части речи, служащие для «сношения» (предлоги, союзы) и 2) части речи, служащие для «сокращения» (местоимения, наречия, междометия, причастия). Этот тезис развивается и далее, в § 46, где указывается, что предлоги служат «для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям», союзы необходимы «для изображения взаимности ... понятий», а дефиниции местоимения, причастия, наречия и междометия в том или ином виде содержат упоминания «краткости»: «местоимение для сокращения именованій»; «причастие для сокращения соединением

² *Вспомогательные части слова* фиксируются и ранее в риторических текстах Ломоносова: «Предлоги, союзы и другие *вспомогательные части слова* за термины не почитаются» (Lomonosov 1952: 26, 110).

имени и глагола в одно предложение»; «наречие для краткого изображения обстоятельств»; «междуметие для краткого изъявления движений духа» (подчеркивание наше — авт.) (Lomonosov 1952: 408).

К классификации, данной в «Российской грамматике», Ломоносов пришел не сразу. В его черновых заметках — «Материалах к Российской грамматике» — нет вводного раздела о частях речи. Начальные листы «Материалов» содержат план первой части грамматики: «... 2. Об именах. 3. О глаголах. 4. О несклоняемых <зачеркн. частицах> словах Российских» (Lomonosov 1952: 606). На следующих листах намечена уже другая схема: «2. О имени и местоимении. 3. О глаголе и причастии. 4. О несклоняемых частях» (Lomonosov 1952: 611; см. также 689). Она близка к представлениям Смотрицкого — последний выделял четыре склоняемые (имя, местоимение, глагол, причастие) и четыре несклоняемые (наречие, предлог, союз, междуметие) части слова (Kuz'minova, Remneva 2000: 155). На листах, написанных помощником Ломоносова (Lomonosov 1952: 747–760; о нем см. Ломоносов 1952: 908), главы, посвященные местоимению, наречию, предлогу, союзу, междуметию, объединены в раздел «О вспомогательных или служебных частях слова». И хотя описания отдельных служебных частей речи в этих записях нередко следуют Смотрицкому (Lomonosov 1952: 943), само разделение на *главные* и *служебные* у последнего отсутствовало. Указанные материалы еще не содержат попыток осмыслить, какие признаки объединяют *вспомогательные* части речи; не используется и наименование *главные части слова*. Терминологическая пара *главные vs. служебные части слова* появляется только в «Табели грамматической», где к *главным* отнесены имя и глагол, а остальные части речи трактуются как *служебные* (Lomonosov 1952: 596).

«Материалы к Российской грамматике» показывают, что разделение на *главные* и *служебные* (*вспомогательные*) *части слова* было добавлено к положениям, заимствованным у Смотрицкого. Лишь намеченная в «Материалах» схема в печатном тексте «Российской грамматики» была превращена в логически обоснованную систему. Классификация, противопоставляющая две *главные* части речи шести *служебным* или *вспомогательным*, разделяющимся, в свою очередь, на две подгруппы, не находит соответствия не только у Смотрицкого, но и в других «доломоносовских» описаниях церковнославянского или русского языков. Не было ничего подобного и в русскоязычных

учебниках по немецкому, французскому и латыни первой половины XVIII в. Ломоносовская классификация, опирающаяся на роль частей речи в языке, могла сформироваться под влиянием современных Ломоносову описаний частей речи на основе их функции — таких, как у Христиана Вольфа (Wolff 1720: 143–152) и Иоганна Кристофа Готтшеда (Gottsched 1748: 116–124)³. Но эти работы не содержали присутствующего у Ломоносова деления на *главные* и «не главные» части речи.

Как мы покажем далее, предложенная в «Российской грамматике» теория, действительно, была новаторской — интересующие нас параграфы не имеют конкретного письменного источника. Однако при всей ее самостоятельности эта концепция возникла на основе античных и новоевропейских источников: «*Ars maior*» Доната (IV в.) или его более поздней переработки, «*Минервы*» Санчеса (1664), «*Gründ-Sätze der Deutschen Sprache*» Бёдикера (1690), а также, возможно, универсальной грамматики Хельвига (1619), «*Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache*» Пауса (1705–1729) и издания грамматики Пеплие с добавлениями из работы Бюффье (1736). Ниже мы представим краткий очерк теорий классификации частей речи, которые, как мы предполагаем, в той или иной степени учитывались Ломоносовым при работе над соответствующим разделом «Российской грамматики».

2. Разделение частей речи на главные и служебные было достаточно редким для античной грамматической традиции. Только у некоторых латинских грамматиков встречается утверждение, что из всех частей речи имя и глагол являются *principales*⁴, т. е. ‘главными’ или ‘первичными’⁵.

³ Оба эти труда были известны Ломоносову (Korovin 1961: 299; 374).

⁴ О возникновении в античности учения о главных частях речи см. (Matthews 2014: 29–43; 102).

⁵ Не так просто определить значение этого слова у конкретного грамматика. Об употреблении *principalis* в значении ‘изначальный’ (в неграмматических текстах) ср. OLD 1968 s. v. (p. 1458); об употреблении в значении ‘первообразный’ ср. ниже, прим. 21. (Spath 1996: 1296.42–53) дает весьма широкое определение, относя интересующие нас примеры к употреблению *principalis* либо в контексте определения наиболее общих категорий классификации (которые потом могут делиться на дополнительные), либо наиболее важных по значению видов чего-либо. Передача *principalis* в предлагаемых нами переводах

Донат просто отмечает это как факт, не давая никаких пояснений: *Ex his duae sunt principales partes orationis, nomen et verbum* (Donat. *Ars Maior* Keil GL IV, 372 = II ed. 1 (613 Holtz)). У Присциана вопросу об количестве частей речи и их отношении между собой посвящены несколько больших экскурсов⁶. В них имя и глагол названы *partes principales* (Prisc. *Inst.* XI, 5 (Keil GL II, 551); XI, 7 (Keil GL II, 552); XVII, 22 (Keil GL III, 121)), но точное значение этого слова не поясняется. Представляется, что эта характеристика основывается на обособленном положении имени и глагола: в указанных экскурсах Присциан несколько раз противопоставляет их остальным частям речи. Так, имя и глагол вместе составляют простейшее законченное высказывание, присутствие в котором других частей речи не обязательно⁷; кроме того, остальные части речи либо прямо образованы от имени и глагола (например, причастие, см. *Inst.* XI, 5–8 = Keil GL II, 551–552), либо играют по отношению к ним подчиненную роль (все прочие) (*ibid.*; cf. *Inst.* II, 16–21 = Keil GL II, 54–56). Отметим, что схожие доводы приводятся как аргументы в пользу выделения имени и глагола в качестве *principales* также у Сервия, Кледония и Исидора Севильского⁸.

цитируемых ниже мест зависит от того, как соответствующий автор поясняет это слово (ср. ниже в прим. 7 цитату из Кледония).

⁶ О том, что все части речи, кроме двух *principales*, имени и глагола, названы по своей «связи» (*adiunctio*) с одной или обеими из них и даже существовать без них не могут (*Inst.* XI, 5–8 = Keil GL II, 551–552); о том, что порядок рассмотрения частей речи не случаен, но соответствует их отношениям между собой (*Inst.* XVII, 12–21 = Keil GL III, 115–121).

⁷ Ср. Matthews 2014: 28–43 о том, что именно это соображение исторически было первым и главным обоснованием определения имени и глагола сначала как единственных частей речи (e. g. Prisc. *Inst.* II, 15 = Keil GL II, 54), а затем и как *partes principales*. Присциан разъясняет свой тезис о *partes principales* на конкретном примере (*Inst.* XVII, 12–13 = Keil GL III, 116): он берет предложение, составленное из всех частей речи, и по очереди убирает все слова, — предложение остается предложением, пока в нем есть и имя, и глагол.

⁸ Serv. *Comm. in Artem Donati* Keil GL IV, 428: *Duae sunt principales partes orationis, nomen et verbum, eo quod ipsae solae faciunt elocutionem <...> et sine ipsis nulla alia pars inplet elocutionem* («Главных частей речи две, имя и глагол, поскольку только они составляют высказывание ... и без них никакая другая часть речи не делает высказывание полным»). Cledon. *Ars secunda* Keil GL V, 34: *Ex his duae sunt principales, nomen et verbum: ex nomine et verbo genus ducunt ceterae*

Итак, Донат, Присциан, Сервий, Кледоний и Исидор Севильский относят к *principales partes orationis* имя и глагол. То же разделение дано и у Ломоносова. Это сходство заставляет предполагать прямое или опосредованное влияние на автора «Российской грамматике» античной латинской традиции. Однако есть и существенные различия. Латинские грамматики не объединяют «не главные» части речи в какую-либо единую группу; соответственно, нет и противопоставленного *partes principales* термина⁹. Подчиненное или вторичное отношение какой-либо части речи к имени или глаголу обосновывается у каждого автора по-своему (если такой вопрос вообще ставится); порой это различные обоснования в случае разных частей речи. У Ломоносова же дано стройное определение служебных частей речи как класса, при этом дефиниция главных никак не коррелирует ни с их ролью в высказывании, ни с «главенствующим» положением по отношению к другим частям речи.

Суммируя, можно предположить, что Ломоносову была известна, по крайней мере, идея выделения двух главных частей речи — имени и глагола; знал он и о том, что в этом контексте используется прилагательное *principalis*. Поскольку определения этого класса у Ломоносова и у латинских грам-

partes. — Principales: sine quibus loqui non possumus. Unde et primae partes orationis ponuntur, quia reliquae harum sunt partes («Из них две части речи первичны, имя и глагол: от имени и глагола ведут род другие части. — Первичные: те, без которых мы не можем говорить. Отсюда они и ставятся на место первых частей речи, поскольку остальные части речи — их части»). Это пояснение подразумевает происхождение частей речи от имени и глагола, однако почти ни один из приводимых Кледонием (*ibid.*) примеров ему не соответствует. В «Этимологиях» Исидора Севильского (I, 6) большинство частей речи добавочны (*appendices*) по отношению к *principales* и происходят («*originem trahunt*») от них, при этом большинство примеров демонстрирует именно этимологическую связь.

⁹ Иногда попадаются слова, описывающие «не главные» части речи (e. g. Prisc. Inst. XI, 6–7 = Keil GL II, 551–552: *appedices* ‘прибавления’; *adminicula* ‘подпоры’, *iuncturae* ‘связки’), однако это редкие отдельные случаи; ни одно из этих слов не прижилось в качестве термина. Кроме того, Prisc. Inst. II, 15 (Keil GL II, 54) отмечает, что философы, считавшие частями речи только имя и глагол, остальные слова называли «соозначающими» («*syncategoremata, hoc est consignantia*») — термин, насколько нам известно, античными грамматиками не усвоенный.

матиков различаются, возможны два варианта: либо Ломоносов не принял обоснование, встретившееся ему в источнике; либо этого обоснования в нем и не было.

В свете этих данных, в качестве возможного (перво-)источника ломоносовской классификации логично предположить «Ars maior» Доната или более позднюю его переработку¹⁰, так как именно Донат никак не поясняет выделение имени и глагола как *главных частей речи*. На протяжении многих веков «Ars minor» и «Ars maior» были основными учебниками латинского языка в странах центральной и западной Европы (Shubik 1980: 251; Курциус 2021: 124). Нередко при этом они подвергались модификациям и интерполяциям¹¹. Тексты Доната, оказавшие огромное влияние на европейскую и славянскую грамматикографию (Bulich 2018: 157–160; Archaimbault 2007; Zakharin 1995: 6–31; Tomelleri 2002: 127–169), развитие терминологии (Ising 1970: 225–254) и традицию преподавания языков (Ising 1970: 255–262), должны были быть так или иначе известны Ломоносову, хотя конкретные свидетельства этого знакомства пока отсутствуют.

3. Если в античности «не главные» части речи не объединялись в единую группу, то в Новое время предпринимаются различного рода попытки объединить их в отдельный подкласс. Франческо Санчес — автор одной из первых европейских универсальных грамматик «Minerva sive de causis linguae latinae» (см. о ней Korolenko 1975; Lakoff 1976; Brevi-Claramonte 1982; Malyavina 1985; Viljamaa 1986; о знакомстве с ней Ломоносова см. Volkov, Kareva 2019: 270–271) — выделил всего три части речи: *nomen*, *verbum* и *particula*. Последней в древнееврейском и арабском соответствуют, как пишет Санчес, *dictio* или *dictio consignificans* (Sanctius 1664: 9). Классификация Санчеса была не вполне последовательной. Указав, что

¹⁰ Если предполагать в качестве источника не Доната, а другого грамматика, например, Присциана, требует объяснения, почему Ломоносов отверг приведенные им доводы — такие как происхождение других частей речи от имени и глагола или их ключевую роль в формировании высказываний.

¹¹ О многослойности приписываемого Дмитрию Герасимову (ок. 1465–1535) русского «Доната», вобравшему в себя различные латинские грамматики и их немецкие переработки см. (Petrova 2019), а также литературу, указанную в данной работе.

выделение трех частей речи кажется ему правильным, Санчес далее «ради ясности» следовал классификации, приписываемой им Платону¹²: к уже обозначенным *nomen* и *verbum* он добавил предлог, наречие и союз — части речи, описывающие причинно-следственные связи (*causarum ratio*) (Sanctius 1664: 9–10). Этой классификации отвечала и структура первой книги «Minerva»: главы 5–16 посвящены имени и глаголу (Sanctius 1664: 17–58); глава 16 — предлогам (Sanctius 1664: 58–61); глава 17 — наречию (Sanctius 1664: 62–63) и глава 18 — союзу (Sanctius 1664: 63–64). В конце первой книги предлоги, наречия и союзы — *tres partes posteriores*, т. е., три последние по порядку их рассмотрения — названы *particulae indeclinabiles* (Sanctius 1664: 64). Принципы, обосновывающие так называемую «платоновскую» классификацию, сформулированы Санчесом достаточно широко: имя означает «постоянное» (*permanens*), глагол — «текущее» (*fluens*), а прочими частями речи разъясняется «устройство причин» (*causarum ratio*) (Sanctius 1664: 10). Санчес не поясняется, как «платоновская» классификация соотносится с «правильной», и в чистом виде его теория не обнаруживается в последующей традиции. Однако рассматриваемые ниже теории разделения частей речи возникли под определенным влиянием Санчеса. Кроме того, в некоторых грамматиках введенный в «Минерве» термин *particulae* стал использоваться для обозначения группы, объединяющей неизменяемые части речи.

Одна из таких работ была известна Ломоносову — «Gründ-Sätze der Deutschen Sprache» Йоханна Бёдикера (Keipert 1991: 286). Как и Санчес, Бёдикер дает две классификации частей речи: одну для немецкого (восемь частей речи, без разделения на какие-либо группы) и другую для всех языков вообще. Во второй «универсальной» классификации способные к

¹² Неясно, в какой мере эта классификация на самом деле опиралась на дошедшие от Платона тексты. Санчес ссылался на «Софиста», однако ни в нем, ни в других диалогах не удается найти фрагмент, который мог бы послужить для него непосредственным источником: из всех частей речи Платон упоминает только имя и глагол (Soph. 261e–262c; Cratyl. 431 b–c; Theaet. 168 c). Можно предположить, что Санчес ориентировался на упомянутые им (Sanctius 1664: 9) «Платоновские вопросы» Плутарха; один из них, действительно, посвящен причинам, по которым Платон рассматривает только две части речи (Stephanus 1009 B–1011 E). Однако характер работы Санчеса с источниками нуждается в дальнейшем исследовании.

формообразованию *Nomen* и *Verbum* оказываются противопоставлены неизменяемой *Particula*, к которой относятся предлоги, союзы и наречия (Bödiker 1690: 48). То есть одни и те же термины, в первой классификации Бёдикера обозначающие полностью самостоятельные части речи, во второй становятся обозначениями частеречных подклассов. Две классификации демонстрируют два разных подхода, и, как представляется, Бёдикер довольно близко подводит к тому, чтобы распределить восемь частей речи по трем группам — *Nomen*, *Verbum* и *Particula*. Однако этого шага автор «Gründ-Sätze der Deutschen Sprache» не делает. Можно предположить, что именно к сочинению Бёдикера восходит план в «Материалах к Российской грамматике», где имя и глагол противопоставляются «несклоняемым частицам» или «несклоняемым словам» (Lomonosov 1952: 606). Однако ломоносовская черновая заметка слишком краткая, и этот тезис нуждается в уточнении.

Выделение имени и глагола как главных частей речи встречается еще в некоторых европейских грамматиках. Так, под влиянием «Минервы» Санчеса и грамматик еврейского языка (Kaltz 1978: 228) Кристоф Хельвиг¹³ выделил три части речи: *nomen* (нем. *Nännwort*), *verbum* (нем. *Sagwort*), *advocabulum* (нем. *Beiwort*). К имени были отнесены существительное, прилагательное, местоимение и причастие, а класс *advocabulum* включал наречия, предлоги, междометия, частицы и союзы (Helvicus 1619a: 8–10, вторая паг.; 27–28, третья паг.; 1619b: 3, 10–14, первая паг.; 27–29, вторая паг.). Имя и глагол были названы Хельвигом *species vocum*¹⁴ *primariae* (нем. *Heubtwörter*); они составляют основу речи — «ex illis praecipue constituitur sermo» (Helvicus 1619a: 2, вторая паг.; ср. 1619b: 3, первая паг.). А *advocabulum* «как бы стоит на их <т.е. главных частей речи> основе в качестве вспомогательной или служебной разновидности слов, поскольку добавляется только ради более полного разъяснения и разграничения, чтобы речь была завершённой и понятной» — «et in illis tanquam basi constitit Posterior et Subsidiaria et Administra, quia additur tantum plenioris elucidationis et limitationis gratia, ut sermo plene conficiatur et intelligatur» (Helvicus 1619a: 2, вторая паг.; ср. 1619b: 3, первая

¹³ Сочинение Хельвига вышло на латыни и одновременно на немецком; тексты незначительно различались (Helvicus 1619a; Helvicus 1619b).

¹⁴ У Хельвига части речи названы *species vocum* (букв. ‘виды слов’).

паг.). Знакомство Ломоносова с этой грамматикой не засвидетельствовано. Но привлекает внимание тот факт, что Хельвиг, как и позже Ломоносов, подчеркивает служебную роль в языке тех слов, которые не относятся к имени и глаголу.

Классификацию, восходящую к Хельвигу¹⁵, мы находим и в одной из первых грамматик славяно-русского языка — рукописной «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» Иоганна Вернера Пауса. Раздел с перечислением восьми частей речи содержал маргиналию на полях: «Nomen et Verbum sunt *primariae partes reliquae*¹⁶ *administrae et subsidiariae*» (Huterer, Keipert 2016: 77; НИОР БАН Q192Л, л. 29 об.). Очевидно, ту же традицию отразило и краткое замечание в основном тексте: «Species Vocum a<lia>s [?] tres sunt: Nomen Verbum, *Advocabulum*» (Huterer, Keipert 2016: 82; НИОР БАН Q192Л, л. 35). Лексика этих двух заметок указывает, что их источником было латинское издание Хельвига. Однако *advocabulum*, бывшее у Хельвига *одной* частью речи, используется у Пауса как термин, объединяющий все служебные части речи. Грамматика Пауса не была напечатана в XVIII в. Текст, тем не менее, был известен Адодурову, Шванвицу, Третьяковскому и, по всей вероятности, Ломоносову (Zhivov 2017: 1008) — исследователями отмечались отдельные совпадения между сочинениями последнего и «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» (Keipert, Zhivov 1996: 25, сноска 18; 26, сноска 19; см. также Михальчи 1968: 273; Keipert 2009: 205).

Кроме того, среди приобретенных Ломоносовым в Марбурге книг значилась «Nouvelle et parfaite grammaire françoise et allemande» (1736) Жана-Робера Пеплие (Korovin 1961: 300–301). Указанное издание этой книги содержало дополнения, основанные на «Grammaire françoise sur un plan nouveau» Клода Бюффье. Перечисление девяти частей речи сопровождал комментарий издателя, в котором отмечалось, что Бюффье считает «истинными и настоящими» («wahre und eigentliche») только имя и глагол, а остальные рассматривает как «дополняющие и изменяющие» («begreift ... unter dem Namen der *Suppletivorum*

¹⁵ О концептуальных и терминологических параллелях между грамматикой Пауса и работами Хельвига см. Huterer 2001: 74, 106, 211, 280 и др.

¹⁶ Конъектура наша. Кайперт читает *reliq<ui>*, что кажется грамматически менее правильным.

und *Modificativorum*») (Pepliers 1736: 20)¹⁷. Наконец, имя и глагол названы «*Hauptteile der Rede*» в известной Ломоносову (Korovin 1961: 304) грамматике Джованни Венерона (Veneroni 1728: 11).

Нетрудно видеть, что ломоносовская концепция выделения *главных* и *служебных* частей речи имеет немало общего с теориями, которые мы находим в работах его предшественников. Однако при сходстве в отдельных моментах концепция Ломоносова — как содержательно, так и терминологически — все-таки существенным образом отличается от теорий Санчеса, Бёдикера, Пеплие, Венерони, Хельвига и Пауса.

Идея выделения восьми донатовых частей речи и среди них двух *главных* могла быть известна Ломоносову из античных латинских грамматик, однако, как мы уже отметили, Ломоносов не упоминает присутствующие в них аргументы в пользу выделения имени и глагола как *partes principales*. К идее распределения частей речи по группам довольно близко подходит Бёдикер, однако для него, в отличие от Ломоносова, главным критерием служит способность или неспособность частей речи к формообразованию. У Хельвига, как позже у Ломоносова, *главные части речи* противопоставляются *служебным* на основе их роли в языке, однако Хельвиг выделяет только три части речи. В грамматике Пауса это противопоставление *главных* и «не главных» также присутствует, но, в отличие от «Российской грамматики», никак не поясняется. В известном Ломоносову примечании к изданию Пеплие *имя* и *глагол* выделяются как «истинные части речи», но этот тезис никак не обосновывается, как не поясняются и термины, характеризующие остальные слова. Нет никаких пояснений к определению *имени* и *глагола* как *главных* и у Венерона.

¹⁷ Имела место не вполне корректная трактовка Бюффье. Последний действительно рассматривал имя и глагол как основные части речи («*les plus essentielles parties du langage*») (Buffier 1709: 49). Однако содержание термина *modificatif* было шире, нежели обозначение «не главных» частей речи: к ним, например, были также отнесены согласованные с существительным прилагательные (Buffier 1709: 81). Термин *supplément* обозначал эллиптические конструкции, способные быть развернутыми в полные утвердительные предложения (Buffier 1709: 86; Swiggers 1983: 289–290). По всей видимости, Ломоносов был знаком с концепцией Бюффье только через посредство указанного издания грамматики Пеплие, т.е. в искаженном виде.

Итак, ломоносовская концепция, разделяющая донатовы восемь частей речи на две *главные* и шесть *служебных* и сводящая роль последних к «сокращению» и «сношению» первых не обнаруживается ни в одном другом источнике, хотя ее отдельные составляющие имеют весьма древнюю историю.

4. До сих пор мы практически не касались вопроса об использованной Ломоносовым терминологии. В немецком переводе «Российской грамматики» *главные части слова* названы *partes orationis principales* (нем. *Haupt-Redetheile*), а вспомогательные или служебные — *partes orationis auxiliares* (нем. *Hilfs-Redetheile*). Оба терминологических ряда не встречаются в проанализированных выше сочинениях Нового времени, что лишний раз показывает определенную степень независимости автора «Российской грамматики». Кроме того, наименование *partes auxiliares* очевидно, было новацией: оно не встречается ни в античном, ни в новоевропейском языкознании.

Конечно, следует учитывать возможность, что Ломоносов просто подобрал те латинские и немецкие термины, которые счел подходящими. Соответствия *principalis* — *Haupt-* — *главный* и *auxiliaris* — *Hilfs-* — *вспомогательный* вполне естественны¹⁸. Но привлекает внимание тот факт, что у Ломоносова *principalis* употреблено в том же контексте и применительно к тому же набору частей речи, что и у античных грамматиков. В сочинениях о языке, созданных в Новое время, термин *principalis* применительно к частям речи уже не фигурирует. Однако едва ли он был забыт. В школах западной и центральной Европы грамматическое руководство Доната служило основным учебником латинского языка вплоть до XV в.; обучение начиналось с «Ars minor», после этого переходили к «Ars maior», а затем к «Institutio grammatica» Присциана (Курциус 2021: 124). Мы предполагаем, что Ломоносов, вводя

¹⁸ В словаре Каспара фон Штилера в статье «Wort» как соответствия даны нем. *Hauptwort* и лат. *simplex, principale*; нем. *Hilfswort* и лат. *auxiliare* (Stieler 1691: 2578). Что же касается русских соответствий, то достаточно указать на статьи в «Вейсманновом лексиконе»: *principalis* переводится как «главный» (Weismann 1982–1983: 1, 292); *auxiliaris* — как «ауксилиарный», «пособный», «помогательный», «помоществовательный», «вспомогательный» (Weismann 1982–1983: 1, 63; 1, 314; см. также Сл. РЯ XVIII в.: 1, 115; 4, 162; 21, 233, 237; 22, 179). Ср. ниже, прим. 21 о переводах словосочетания *verbum principale* на немецкий.

partes orationis principales, сознательно ориентировался на традицию, в конечном счете восходящую к Донату.

Менее очевиден выбор прилагательного *auxiliaris*. *Auxiliaris* и близкое ему по употреблению *auxiliarius* не употреблялись в классической латыни как грамматические термины¹⁹. В источниках до Нового времени не удастся найти контекст, где *principalis* противопоставлялось бы *auxiliaris/ auxiliarius*.²⁰ Кроме того, отдав предпочтение термину *partes orationis auxiliares*, Ломоносов не воспользовался вариантами, которые могли быть ему известны из других грамматик, — например, *partes administratae* или *subsidiariae* у Пауса.

На этом фоне знаменательным и заслуживающим внимания представляется тот факт, что противопоставление *principalis* vs. *auxiliaris/ auxiliarius* встречается применительно к описанию глаголов в европейских языках и что у Ломоносова мы встречаем термин *вспомогательный глагол*, которому в немецком переводе соответствуют лат. *verbum auxiliare* (Lomonosov 1952: 493; Ломоносов 1764: 201).

5. Противопоставление *verbum principale*²¹ vs. *verbum auxiliare*, т. е. основного и вспомогательного глаголов сформир-

¹⁹ В описании глаголов — единственном грамматическом контексте, где противопоставление *principalis* vs. *auxiliaris* обнаруживается не только у Ломоносова, но и у авторов Нового времени (об этом см. ниже) — эти два прилагательных взаимозаменяемы. См. об *auxiliaris*, *auxiliarius* (Münscher 1904a; 1904b). О словах, которые противопоставлялись *principalis* в различных значениях у грамматиков, см. (Spoth 1996: 1295–1296).

²⁰ При этом *principalis* противопоставлялось синонимичным прилагательным; например, у Цицерона (de Fato 41) можно встретить оппозицию *causa principalis* vs. *causa adiuvars* (букв. ‘помогающая’).

²¹ Оба слова многозначны; *verbum* может значить и ‘слово’, и ‘выражение’, и ‘глагол’; о многозначности *principalis* сказано выше (прим. 4). Словосочетание *verbum principale* в античности, а затем в источниках Нового времени, может употребляться как синоним к *verbum primitivum* ‘первообразному слову’, т. е. не образованному от другого слова, в противоположность *verbum derivativum* (Spoth 1996: 1295). В немецкой лексикографии конца XVII–XVIII вв. лат. *verbum principale* устойчиво передавалось как *Hauptwort*. Причем как в значении ‘первообразное слово’ (см., например, Kramer 1712: 4, 3863), так и для обозначения основного глагола, противопоставленного вспомогательному (см., например, Gottsched 1737: 281). О передаче *principalis* как *Haupt-* см. выше, прим. 18.

ровалось в Новое время. Подкласс вспомогательных глаголов не выделялся в античных трактатах о языке — соответственно, для него не было и обозначения. Наименование *verba auxiliaria* было введено Жаном Пийо (Pillot 1550: 21; см. Jellinek 1914: 296; Colombat 2003: 92–93). Термин быстро вошел в традицию описания сначала французского и немецкого, а затем других европейских языков²². Причем в немецких грамматиках почти сразу возникли синонимичные ему латинские термины. Так, Стефан Риттер противопоставил *verba principalia* или *primaria*, т.е. основные глаголы и *verba auxiliaria* или *accessoria*, т.е. вспомогательные и модальные²³ (Ritter 1616: 98–99). В других немецких грамматиках XVII в. для вспомогательных глаголов использовались термины *Helfwort*, *Hülfswort*, *Dienstwort*²⁴ или *Hülfszeitwort*, сопровождаемые различными латинскими аналогами — в т. ч., например, *verba servilia* (Kromayer 1618: 33; подробнее см. Jellinek 1914: 296 Anm. 2).

Ломоносову могли быть известны эти варианты, однако в большинстве грамматик, знакомство Ломоносова с которыми точно установлено (Korovin 1961: 291–304), использовался лат. термин *verbum auxiliare* / *auxiliarium* или фр. *verbe auxiliaire*. Последний присутствует в написанной по-французски грамматике испанского языка Франсиско Собрино (Sobrino 1703: 49). *Verbum auxiliare* встречается в итальяно-французско-немецкой грамматике Венерони (Veneroni 1728: 75–76). В учебнике французского Давида Этьена Шоффана указывается, что глаголы *avoir* и *être* используются как *verbes principaux* для передачи значения обладания или существования и как *verbes auxiliaires*

²² В Новое время были попытки применить этот термин к латинскому *esse* (е. г. Lange 1705: 53, втор. паг.).

²³ Вспомогательные и модальные глаголы в немецкой грамматикографии долгое время рассматривались вместе. До недавнего времени считалось, что впервые модальные глаголы были выделены в отдельный подкласс в переиздании грамматики Й. Бёдикера (1723). Однако, как показала К. Кох (Koch 2002: 352), первым руководством, в котором проведено это разделение, был вышедший в Берлине учебник Карминта (Charmyntes 1713: 52). Он лег в основу грамматики Шванвица, о терминологии которой см. далее.

²⁴ Возможно, этот дублетный термин в немецком повлиял на выбор наименований Ломоносовым, у которого «не главные» части слова, как мы помним, названы *вспомогательными* или *служебными*. Нем. *dieneu* в русском языке XVIII в. передавалось как *служить* (Weismann 1982–1983: 1, 134).

или *de secours* при образовании временных форм других глаголов. Французским терминам Шоффан дает немецкие соответствия: *Haupt=Conjugiertwort* и *Hülfs=Conjugiertwort* (Choffin 1747: 270), встречаются также варианты *Haupt-Verbum*, *Hilf-Verbum*, *Haupt-Verbe*, *Hülfs-Verbe* (Choffin 1747: 263, 269–270, 486). В издании грамматики Жана-Робера Пеплие 1736 г. функционирует как лат. *verbum auxiliare*, так и нем. *Auxiliar-Verbum* или *das Auxiliare* (Pepliers 1736: 45; 70). Наконец, в первом издании грамматики Бёдикера использовались как латинские, так и немецкие термины: лат. *verbum auxiliarium* соответствовало нем. *Hilfswort* (Bödiker 1690: 79); правда, в паре с ним фигурировало не *verbum principale*, а *verbum primarium*, в нем. варианте — *Hauptwort*, *Grundwort* и *Haupt-Zeit-Wort* (Bödiker 1690: 212, 222).

Термин *verbum auxiliare / auxiliarium* присутствовал и в академических грамматиках русского и иностранных языков первой половины XVIII века. Он встречается в славяно-русской грамматике Пауса (Huterer, Keipert 2016: 260, 275, 285–286, 324; 340 дан нем. перевод: *Hülffs Wort*; 341; 451; 453). У него же в немецкой грамматике появляется и русский аналог — *помощной глагол* (НИОР БАН, Собр. иностр. рук. О 121, л. 10 об.). Далее *verbum auxiliarium* используется в «Anfangs=Gründe der Russischen Sprache» (Volkov и др. (ред.) 2014: 168) и «Немецкой грамматике» Мартина Шванвица. В издании последней 1730 г. латинскому термину соответствует транслитерация *вербум ауксилиаре* или *ауксиллярное верб* (Schwanwitz 1730: 217; 219)²⁵. Начиная с издания 1734 г. вводится термин *помогающий глагол* (Schwanwitz 1734: 175; Schwanwitz 1745: 205). Его использует и Василий Теплов в «Новой французской грамматике» (Teplov 1752: 82).

Русский термин *вспомогательный глагол* впервые появляется в третьем издании «Немецкой грамматики», причем им обозначены модальные глаголы (Schwanwitz 1745: 261; Keipert 1983: 139). Но в двуязычном учебнике французского Пьера де Лаваля *вспомогательный глагол (вспомогательное слово)* уже соответствует французскому *verbe auxiliaire* и используется для обозначения глаголов *être* и *avoir* (Laval 1753: 286–287; 328–329; Vlassov 2015)²⁶. По всей видимости, у Лаваля или Шван-

²⁵ Один раз дается вариант *помоществительное* (Schwanwitz 1730: 217)

²⁶ В качестве варианта используется также *подможной глагол (подможное слово)* (Laval 1753: 408–409).

вица русский термин *вспомогательный глагол* был заимствован Ломоносовым (Lomonosov 1952: 493)²⁷; в немецком издании ему соответствовали лат. *verbum auxiliare* и нем. *Hülfswort* (Lomonosow 1764: 201).

Как мы видим, нем. *Hülfswort* и фр. *verbe auxiliaire* в ряде грамматик 1750-х гг. передавались на русский язык как *вспомогательный глагол*; этому термину, в конце концов, отдал предпочтение и Ломоносов. Согласно нашей гипотезе, терминологическая пара, противопоставляющая основной и вспомогательный глаголы, оказала влияние на выбор Ломоносовым латинских и немецких наименований для разрядов частей речи. Термины для обозначения вспомогательного глагола встречались чаще, чем пара терминов для основного и вспомогательного глаголов, однако противопоставление могло быть известно Ломоносову, по меньшей мере, из «Grammaire françoise» Шоффана — этот учебник, как мы указали выше, был в библиотеке ученого. Противопоставление главных и вспомогательных глаголов было соотнесено Ломоносовым с наименованием главных частей речи в античных грамматиках, и по аналогии с термином *вспомогательный глагол* возникло новое наименование — *вспомогательные части речи*.

Итак, мы предполагаем, что на выбор в «Российской грамматике» терминов для обозначения подклассов частей речи оказали влияние, с одной стороны, античные грамматики, выделявшие *partes orationis principales*, с другой стороны, — сформировавшееся в Новое время противопоставление *verbum principale / Hauptverb* vs. *verbum auxiliare / Hilfsverb*

Сокращения

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук

НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук

²⁷ Отметим, что в «Материалах к Российской грамматике» использовался другой термин *способствующий глагол* (Lomonosov 1952: 622). Кроме того, один раз в «Российской грамматике» встречается словосочетание *главный глагол* — правда, в значении ‘сказуемое’ (Lomonosov 1952: 567).

Библиография

- Archaimbault, S. 1998: Tradiciya Donata i grammatiki slavyanskih yazykov [Tradition of Donatus and the grammars of Slavic languages]. *Revue des Etudes Slaves*. 70, 1. 17–25.
- Archaimbault, S. 1998: Традиция Доната и грамматики славянских языков. *Revue des Etudes Slaves*. 70, 1. 17–25.
- Bödiker, J. 1690: *Grund-Sätze der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben*. Cölln an der Spree.
- Breva-Claramonte, M. 1982: *Sanctius' Theory of Language*: A Contribution to the History of Renaissance Linguistics. Amsterdam, Philadelphia.
- Buffier, Cl. 1709: *Grammaire françoise sur un plan nouveau*. Paris.
- Bulitsch, S. K. 2018: *Oчерк istorii yazykoznaniiya v Rossii. XVIII–XX vv. [Essay on the history of linguistics in Russia. 18th–20th centuries]*. Moscow.
- Булич, С. К. 2018: *Очерк истории языкознания в России. XVIII–XX вв.* М.
- Charmyntes, [S.] 1713: *Die deutsche Grammatica ... von Charmyntes*. Berlin.
- [Choffin, D. E.] 1747: *Grammaire françoise, dans un goût nouveau. Tome I*. Berlin.
- Colombat, B., 2003: La Gallicae linguae institutio de Jean Pillot. Comment adapter le cadre grammatical latin à la description du français. In: Defaux G., Colombat B. (éd.) *Lyon et l'illustration de la langue française à la Renaissance*. Lyon. 77–108.
- Curtius, E. R. 2021: *Evropejskaya literatura i latinskoe srednevekov'e [European literature and the Latin Middle Ages]*. Moscow.
- Курциус, Э. Р. 2021: *Европейская литература и латинское средневековье*. Т. 1. М.
- Gottsched, J. Chr. 1737: *Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen*. Leipzig.
- Gottsched, J. Chr. 1748: *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Leipzig.
- Grosippus, P. 1628: *Pascasii Grosippi Mercurius Bilinguis*. Mediolani.
- Helvicus, Ch. 1619a: *Christophori Helvici ... libri didactici, grammaticae Universalis, Latinae, Graecae, Hebraicae, Chaldaicae*. Giessae.
- Helvicus, Ch. 1619b: *Sprachkünste: Allgemaine, welche dasjenige, so allen Sprachen gemein ist, in sich begreiff; Lateinische; Hebraische*. Giessen.
- Holtz, L. 1981: *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique*. Paris.
- Huterer, A. 2001: *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slawonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. München.

- Huterer, A. (Bearb.), Keipert, H. (Hg.) 2016: *J. W. Paus. Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache*. Transkript des Autographs der Akademiebibliothek St. Petersburg, Handschriftenabteilung, Signatur Q 192/I. Bonn.
- Ising, E. 1970: *Die Herausbildung der Grammatik der Volkssprachen in Mittel- und Osteuropa. Studien über den Einfluß der lateinischen Elementargrammatik des Aelius Donatus De octo partibus orationis ars minor*. Berlin.
- Kaltz, B. 1978: Christoph Helwig, ein vergessener Vertreter der allgemeinen Grammatik in Deutschland. *Historiographia Linguistica* 5(3), 227–235.
- Kärnä, A. [s. a.]: Kaspar Schoppe. In: Kärnä A., Luhtala A. (Hrsgg.) *Handbuch frühneuzeitlicher Grammatiken*. Wolfenbüttel. http://diglib.hab.de/ebooks/ed000171/id/ebooks_ed000171_f025_i/s tart.htm Дата обращения: 07.03.2021.
- Keil, H. (ed.) GL: *Grammatici Latini*. Voll. I–VIII. Lipsiae. 1855–1880.
- Keipert, H. 1983: Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland. In: Freidhof G., Kosta P., Schütrumpf M. (Hrsgg.) *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert*. München, 77–140.
- Keipert, H. 1991: Bezeichnungsmotive für den Präpositiv im Slavischen. In: Auburger L., Hill P. (Hrsgg.) *Natalicia Johanni Schröpfer octogenario a discipulis amicisque oblata*. München. 277–290.
- Keipert, H. 2009: Die Darstellung des russischen Verbums in der «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» von J. W. Paus (1705–1729). In: J. Besters-Dilger and F. B. Poljakov (Hrsgg.) *Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation*. Frankfurt am Main. 179–209.
- Klubkov, P. A. 2011: *Formirovanie peterburgskoy traditsii lingvisticheskoy rusistiki (XVIII — nachalo XIX v.) [The formation of Petersburg tradition of the Russian linguistics (XVIII–the early XIXth centuries)]*. St. Petersburg.
- Клубков, П. А. 2011: *Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII–начало XIX в.)*. СПб.
- Koch, K. 2002: *Deutsch als Fremdsprache in Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin, New York.
- Korolenko, I. A., 1975: [The grammatical views of Francisco Sánchez de las Brozas]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Aktual'nye problemy sovetskoy romanistiki: tezisy dokladov [Actual problems of Soviet Romance Philology: Abstracts]*. Leningrad, 44–47.
- Короленко, И. А. 1975: Грамматические воззрения Франсиско Санчеса де Лас Бросас. В: Алексеев, М. П. (ред.) *Актуальные проблемы советской романистики: тезисы докладов*. Л. 44–47.
- Korovin, G. M. 1961: *Biblioteka Lomonosova [Lomonosov's library]*. Moscow, Leningrad.

- Коровин, Г. М. 1961: *Библиотека Ломоносова*. М., Л.
- Kramer, M. 1712: *Das recht vollkommen Königl. Dictionarium Französisch-Teutsch*. Bd. 1–4. Nürnberg.
- Kromayer, J. 1618: *Deutsche Grammatica*. Weymar.
- Kuz'minova, E. A., Remneva, M. L. 2000: *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotrickogo* [Grammars by Lavrentiy Zizaniy and Meletiy Smotrickiy]. Ed. by E. A. Kuzminova; foreword by E. A. Kuzminova, M. L. Remneva. Moscow.
- Кузьминова, Е. А., Ремнёва, М. Л. 2000: *Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Сост., подгот. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.
- Jellinek, M. H. 1914: *Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von dem Anfängen bis auf Adelung*. 2. Hbd. Heidelberg.
- Lakoff, R. 1976: La grammaire générale et raisonné, ou la Grammaire de Port-Royal. Parret, H. (ed.) *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics*. Berlin, New York, 348–373.
- Lange, J. 1705: *Verbesserte und Erleichterte Lateinische Grammatica*. Berlin.
- Laval, P. de 1753: *Explication de la grammaire française*. SPb.
- Lomonosov, M. V. 1952: *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. [Vol. 7: works on philology]. Moscow, Leningrad.
- Ломоносов, М. В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М., Л.
- Lomonosow, M. 1764: *Rußische Grammatick verfaßet von Herrn M. Lomonosow. Aus dem Rußischen übersetzt von J. L. Stavenhagen*. St. Petersburg.
- Malyavina, L. A. 1985: *U istokov yazykoznanija Novogo vremeni (Universalnaya grammatika F. Sanchesa «Minerva» 1587 g.)*. [The dawn of New Age linguistics («Minerva»: a universal grammar by F. Sanctius (1587)]. Moscow.
- Малявина, Л. А. 1985: *У истоков языкознания Нового времени (универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.)*. М.
- Marchica 1718: *Vollständigere Lateinische Grammatica Marchica*. Berlin.
- Matthews, P. 2014: Greek and Latin Linguistics. In: Lepschy, G. (ed.) *History of Linguistics. Vol. II. Classical and Medieval Linguistics*. London, New York, 1–133.
- Michalčí, D. E. 1968: O grammatike I. V. Pauze [About the grammar by J. W. Pause]. In: *Actes du Xe Congrès international des linguistes. Bucarest, 28 août — 2 septembre 1967*. Bucarest.
- Münscher, K. 1904a: *Auxiliaris. Thesaurus Linguae Latinae. Vol. II. An — Byzeres*. Lipsiae, 1614.
- Münscher, K. 1904b: *Auxiliaris. Thesaurus Linguae Latinae. Vol. II. An — Byzeres*. Lipsiae, 1615.
- OLD 1968 — *Oxford Latin Dictionary*. Oxford.

- Pepliers, [J.-R.] de, 1736: *Königliche Französische Grammatica*. Berlin.
- Petrova, M. S. 2019: [Priscian's *Institutiones grammaticae* in the Russian educational tradition]. *Quaestio Rossica*, 7.2, 492–506.
- Петрова, М. С. 2019: «Установления Грамматики» Присциана в русской образовательной традиции. *Quaestio Rossica*, 7.2, 492–506.
- Pillot, J. 1550: *Gallicae linguae institutio, latino sermone conscripta*. Parisiis.
- Ritter, S. 1616: *Grammatica Germanica Nova*. Marpurgi.
- Sanctius, F. 1664: *Francisci Sanctii Minerva, sive de Causis Latinae linguae Commentarius*. Amstelodami.
- [Schwanwitz, M.], 1730, 1734, 1745: *Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen*. St. Petersburg. 1.–3. Aufl.
- Shubik, S. A. [Linguistics of Ancient Rome]. In: Desnickaya A.V., Kacnel'son S. D. (ed.) *Istoriya lingvisticheskikh uchenij. Drevnij mir [History linguistic doctrines. Ancient World]*. Leningrad, 233–256.
- Шубик, С. А. 1980: Языкознание древнего Рима. В: Десницкая А.В., Кацнельсон С. Д. (ред.) *История лингвистических учений. Древний мир*. Л., 233–256.
- Sl. RYa XVIII v.: *Slovar russkigo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIIIth century]*. Vol. 1–6. Leningrad, 1984–1991. Vol. 7–22–. St. Petersburg, 1992–2019–.
- Сл. РЯ XVIII в.: *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–22–. СПб., 1992–2019–.
- Sobrino, F. 1703: *Grammaire Nouvelle Espagnolle et Française*. 2ème éd. Bruxelles.
- Spoth, F. 1996: *Principalis. Thesaurus Linguae Latinae*. Vol. 10.2.2. Primaevus — Puxodes. Stuttgart, Leipzig, 1290–1297.
- Stieler, C. von 1691: *Der Deutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs oder Teutscher Sprachschatz*. Nürnberg.
- Swiggers, P. 1983: *Grammaire et théorie du langage chez Buffier. Dix-huitième siècle*, 285–293.
- Теплов, В. Е., 1952: *Novaia frantsuzskaia grammatika sochinennaia voprosami i otvetami [A New French grammar in questions and answers]*. Saint-Petersburg.
- Теплов, В. Е. 1952: *Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами*. СПб.
- Thomas, M. 2004: *Universal grammar in second language acquisition. A history*. London, New York.
- Tomelleri, V. S. 2002: *Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: [Übersetzung der Ars minor des Aelius Donatus] / herausgegeben und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri*. Köln.
- Veneroni, J. 1728: *Herrn von Veneroni Italiänisch-Frantzösisch- und Teutsche Grammatica, oder Sprach=Meister*. Frankfurth und Leipzig.

- Viljamaa, T. 1986: Sanctius and Permanent Themes in the History of Linguistics. *Arctos. Acta Philologica Fennica*, 20, 227–242.
- Vlassov, S. 2015: Enseigner le français en Russie au milieu du XVIIIe siècle. Pierre de Laval, précepteur et auteur d'une grammaire pour les Russes. *Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde*, 54. URL: <http://journals.openedition.org/dhfiles/4145> (дата обращения: 15.05.2021).
- Volkov, S. et al. (ed.) 2014: Vasiliy Evdokimovich Adodurov. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» ili «Pervyye osnovaniya rossiyskogo yazyka» [Vasiliy Evdokimovich Adodurov. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» or «First foundations of the Russian language»]. Saint-Petersburg.
Волков, С. С. и др. (ред.) 2014: Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания российского языка». СПб.
- Volkov, S. S., Kareva N. V. 2019: [Formation of Russian grammar terminology: predlozhnyi padezh 'prepositional case']. *Acta Linguistica Petropolitana*, 15(1), 261–288.
Волков, С. С., Карева Н. В. 2019: Формирование терминологии русской грамматики: предложный падеж. *Acta Linguistica Petropolitana*, 15.1, 261–288.
- Weismann, E. 1982–1983: *Weismanns Petersburger Lexicon von 1731*. Bd. I–III. München. (= *Specimina Philologiae Slavicae*, Bd. 46–48).
- Wolff, Chr. 1720: *Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt*. Halle.
- Zakharin, D. B. 1995: *Evropeyskie nauchnye metody v traditsii starinnikh russkikh grammatik (XV — ser. XVIII v.)* [*European scientific methods in the tradition of ancient Russian grammars (XV — middle of the XVIIIth century)*]. München.
Захарьин, Д. Б. 1995: *Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII в.)*. München.
- Zhivov, V. M., 2017: *Istoriya yazyka russkoy pismennosti* [*The history of the language of Russian writing system*]. In 2 vols. Moscow.
Живов, В. М. 2017: *История языка русской письменности*. В 2 т. М.
- Zhivov, V. M., Keipert, H. 1996: [The place of the grammar by J.-W. Paus in the development of the Russian grammatical tradition: interpretation of the relationship between Russian and Church Slavonic]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, 3–30.
Живов, В. М., Кайперт Г. 1996: О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского. *Вопросы языкознания*. 6, 3–30.